

УДК 631.15:005.334

Д.К. Стожко, К.П. Стожко, Н.Н. Целищев

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ В КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ: НА ПРИМЕРЕ АГРОМАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрены особенности креативной экономики в агропромышленной сфере. Выделены основные концепции старения (износа). Проанализированы риски и основные проявления неопределенности, сопутствующие формированию и развитию креативной экономики. Показаны отличия инновационной и креативной экономики и основные направления и пути повышения эффективности агромаркетинговой деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: *риск, неопределенность, агромаркетинговая деятельность, инновационная экономика, креативная экономика, игровой подход, вероятность, конкуренция.*

В настоящее время в мировой и отечественной экономике наблюдается серьезное нарастание рисков, нестабильности и неопределенности. Сама по себе экономика – это сфера рисков. Современная рыночная экономика может быть представлена как многофакторная и многоуровневая модель хозяйства, в которой по мере ее развития неуклонно возрастают и риски, т.е. угрозы, с которыми сталкиваются практически все субъекты социально-экономических отношений: работодатели, работники, потребители, представители контактных аудиторий и т.д.

Сегодня термин «риск» (от греч. *ridsikon* – утес, скала) воспринимается как экономическая категория, хотя риски существуют и в других областях. Например, климатические риски или информационные риски и т.д. Но по ме-

© Стожко Д.К., Стожко К.П., Целищев Н.Н., 2016

Стожко Дмитрий Константинович – канд. филос. наук, доцент кафедры всеобщей и экономической истории ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет», e-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Стожко Константин Петрович – д-р ист. наук, канд. экон. наук, профессор, завкафедрой экономики и организации предприятий ФГБОУ ВПО «Уральский государственный аграрный университет», e-mail: kostskp@mail.ru.

Целищев Николай Николаевич – д-р филос. наук, профессор кафедры управления и права ФГБОУ ВПО «Уральский государственный аграрный университет», заслуженный работник Высшей школы РФ, e-mail: tselischevnn@ya.ru.

ре капитализации этих сфер в жизнедеятельности людей риски реально обретают свое экономическое выражение, поскольку начинают оказывать влияние на хозяйственную деятельность людей.

В общепринятой среди экономистов терминологии данное понятие характеризует, прежде всего, предпринимательскую деятельность. Еще в XVII веке французский экономист Р. Кантильон определял предпринимательство как хозяйственную деятельность, связанную с риском [1]. В конце XIX века французский экономист Ж.Б. Сэй выдвинул тезис о том, что риск обусловлен необходимостью в различном комбинировании факторов производства. С тех пор в общественном сознании людей закрепилось представление о предпринимательстве как комбинировании такими факторами (финансовыми, человеческими и материальными ресурсами). В известных произведениях Ильфа и Петрова выведен классический типаж такого предпринимателя-комбинатора – Остапа Бендера.

Но от пошлого комбинатора предпринимателя отличает как раз характер комбинирования факторов производства. И этот характер связан с рисками. О. Бернулли в XIX веке сформулировал свою собственную концепцию комбинирования факторов производства в условиях рисков [2].

На рубеже XIX и XX веков А. Маршалл, лидер кембриджской школы экономистов, обосновал свое представление о риске: риском он назвал то, что при правильном отношении дает предпринимателю выигрыш (прибыль). Последняя как раз и выступает как плата за риск. При этом английский экономист выделил два типа рисков: личностный и предпринимательский. Первый связан с качествами самого человека, второй – с условиями хозяйственной деятельности. Для принятия правильного решения, предприниматель должен учитывать два важных обстоятельства: во-первых, размер ожидаемой прибыли; во-вторых, величину ее возможных колебаний. Что касается процента на вложенный капитал, то, по мнению английского экономиста, он представляет собой «доход, выплачиваемый заемщиком, и включающий страховку против риска как и реального, так и личного» [3].

В то же время, в начале XX века Й.А. Шумпетер выдвинул тезис о том, что риски связаны инновационной деятельностью, суть которой он как раз и усматривал в предпринимательстве. Различая рутинный и творческий труд, он писал: «В экономике, в которой устанавливается рутинный процесс, нет места предпринимательству» [4]. Инновационная деятельность – это процесс создания принципиально новых благ. Предпринимательство – это процесс их реализации с целью получения прибыли. Понятно, что обе стороны такой деятельности взаимосвязаны: трудно представить себе новатора, создающего новый продукт из простого любопытства и альтруизма.

По большому счету, различие между рутинным и творческим трудом – это различие между экономической статикой и динамикой. Это различие особо подчеркивал американский экономист Дж. Б. Кларк, на что как раз и обращал внимание Й.А. Шумпетер [5].

В середине XX века понятие «риск» экономисты стали в большей степени связывать с неопределенностью. Так, Дж. М. Кейнс рассматривал риск как порождение неопределенности в хозяйственной деятельности людей [6]. Для снижения этой неопределенности он предлагал в качестве приоритетной проблемы решать не проблему инфляции, а проблему занятости. Логика рассуждений английского экономиста была проста: чем больше людей работает, тем больше ВВП страны, тем быстрее снижаются цены, больше товаров и услуг приобретает население. Тем больше доходов поступает в казну и меньше из них нужно тратить на борьбу с безработицей. Концепция «эффективного спроса» стала основой вывода экономики современного Китая на уровень мирового лидера. Когда упал спрос на китайскую продукцию за границей, власти сделали акцент на стимулирование спроса на внутреннем рынке.

Естественно, что любые сценарии развития экономики содержат в себе риски. Но умение минимизировать их – неперемное условие не только для успешной предпринимательской деятельности, но и для эффективной макроэкономической политики. Но здесь необходимо использовать не только стратегический, но и ситуационный подходы. Когда используется исключительно ситуационный подход, политика превращается в более чем рискованную игру. А такая игра увеличивает не только микроэкономические риски, но и макроэкономические риски, которые страны пытаются порой решать военным (не экономическим) путем.

Как раз в 40-е годы XX века вышла книга американских ученых Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр», в которой авторы предложили рассматривать риск как игровое понятие [7]. На основе вероятностного подхода авторы показали, что предприниматель выбирает те альтернативы своего поведения, которые содержат большую вероятность получения дохода. Но проблема соотношения вероятности дохода и вероятности ущерба так и оставалась при таком игровом подходе нерешенной. Больше того, авторы не дали ответа на вопрос о том, как нужно «играть» не с одним, а со многими неизвестными и при разных типах вероятности.

Дальнейшее изучение рисков было связано с работами Г. Марковица, Ф. Найта, У. Шарпа, К. Эрроу и других ученых [8]. В частности, Ф. Найт также использовал вероятностный подход и связывал риски с неопределенностью в рыночной экономике. Он предложил выделять три типа вероятностей: априорную, статистическую и оценочную [9].

Априорная вероятность поддается определению, но не может быть устранена. Ситуация альтернативного выбора сохраняется неизбежно.

Статистическая вероятность поддается определению. Следовательно, альтернативы могут быть просчитаны и определены. Например, перекрестная эластичность спроса или предложения – типичный случай такой статистической вероятности.

Оценочная вероятность не поддается определению с помощью математических методов и, следовательно, не может быть статистически определена. Здесь – поле для герменевтических исследований [10].

В нашей стране проблемами риска успешно занимались Л.В. Канторович, который в 1975 году получил Нобелевскую премию по экономике за вклад в разработку теории оптимального использования ресурсов.

Следует также подчеркнуть, что важным фактором нарастания рисков является угроза деактуализации (старения, выбывания) или даже разрушения и гибели самих субъектов хозяйственных взаимоотношений (производителей, предпринимателей, работников, потребителей и т.д.) или материально-вещественных факторов производства. На сегодняшний день существует пять основных теорий старения и смерти. Во-первых, это стохастическая модель. Она основана на том, что наши тела суть сложные машины, и, как во всех сложных машинах, что-нибудь, в конце концов, обязательно должно сломаться. Согласно второй модели наиболее важным фактором износа (старения и смерти) является так называемый феномен Хайфлика: человеческие клетки, похоже, способны делиться лишь около пятидесяти раз. Если говорить о вещественных факторах (оборудование), то и здесь также имеется определенная зависимость между частотой его использования и старением. На этой основе рассчитывается физический износ. Третья модель – это теория несовершенного ксерокса. Каждый раз при копировании молекул ДНК вносятся некоторые мелкие ошибки и, в конечном счете, копия становится настолько плохой, что предмет или субъект уже непригоден для дальнейшего взаимодействия. Четвертая модель старения (износа) – это теория накопления токсичных отходов. В человеческом организме они накапливаются с потреблением, для материально-вещественных факторов производства – в процессе производственного потребления. Как в стиральной машине, в которой от моющих средств накапливаются известковые отложения, которые постепенно приводят к ее поломке. Или в двигателе автомобиля и т.д. Если говорить о человеке, то все дело, вероятно, в свободных радикалах, которые разрушают его тело изнутри. В отношении к оборудованию или предметам потребления этими факторами разрушения могут быть плесень, ржавчина и т.д. Наконец, пятая теория – это аутоиммунная гипотеза, согласно которой естественные защитные механизмы нашего тела теряют ориентиры и начинают набрасываться на здоровые клетки. В отношении материально-вещественных факторов нарушение внутренней ориентации и иммунитета проявляется в разбалансировании системы, ее абберации и т.д. Классический пример аутоиммунной деградации – рост бюрократизма и сокращение численности работников, производящих реальный продукт (товар, услугу). Либо простой оборудования, неполная его загрузка и т.д.

На наноуровне (уровень микрочастиц) происходит постоянная и неумолимая деактуализация объектов, как живых (органических), так и неоргани-

ческих. И этот процесс также может протекать по-разному, что оказывает свое влияние на частоту (динамику) и величину (масштабы) рисков. В современной синергетике этот процесс – состояние неопределенности – принято обозначать термином «энтропия».

В последние десятилетия термин «риск» все чаще стал подменяться термином «неопределенность», что не может не вызывать критических замечаний. Ведь неопределенность – это не сам риск, а лишь причина, его порождающая. Путать причину и следствие – значит путать сущность и явление. Тем не менее в зарубежной [11] и российской [12] литературе по данной проблематике мы как раз и обнаруживаем такую подмену понятий.

Однако теория рисков все-таки стала не только самостоятельной отраслью экономической теории, но и вполне четкой учебной дисциплиной [13].

При этом неопределенность рассматривается в разных аспектах. Выделяют следующие аспекты неопределенности:

- неопределенность как мера информации;
- неопределенность как отражение состояния системы по отношению к «идеальным условиям»;
- неопределенность как возможность выбора альтернатив;
- неопределенность как характеристика качества информации;
- неопределенность как атрибутивный источник риска;
- неопределенность как неоднозначность исходов событий;
- неопределенность как естественный ограничитель управляемости и стабильности [14].

Из этой системы анализа неопределенности становится очевидным отсутствие сколько-нибудь логической последовательности и строго научных критериев. Налицо герменевтическая интерпретация. Согласно такой интерпретации, неопределенность правомерно рассматривается как атрибутивный источник риска. Понятно, что неопределенность по отношению к риску – предваряющее условие. Есть неопределенность, значит любой субъект, сталкивающийся с ней в процессе своей деятельности, будет либо вынужденно рисковать, либо прекращать свою деятельность.

С другой стороны, сугубо герменевтическая интерпретация неопределенности и риска, взятая в отрыве от диалектической логики как теории познания, часто приводит к противоречиям. Так сначала неопределенность рассматривается как мера информации, а затем как характеристика ее качества. Такое противоречие, конечно, в действительности мнимое, поскольку количественные и качественные признаки объекта изучения всегда диалектически связаны. Известен, например, закон перехода количественных изменений в качественные. Но до сих пор наука не нашла объяснения тому, как именно этот переход осуществляется.

В рамках герменевтики, однако, оказывается необъяснимым не только сам механизм перехода количественных изменений – в качественные. Необъяснимым оказывается, в целом, диалектическое противоречие между ними.

К сожалению, современная маркетинговая деятельность – это, в значительной степени, «гадание на кофейной гуще», так как сегментация рынка и свот-анализ деятельности предприятий не дают полной картины мотивации хозяйственного поведения всех участников рыночной экономики. Фрагментарность маркетинговой деятельности обусловлена особенностями внешней и внутренней среды. Если внутренняя среда предприятия еще поддается в какой-то степени достоверному прогнозированию, то внешняя среда такой прогноз в принципе не предполагает. Не случайно поэтому в современной литературе разводят внешние и внутренние контролируемые и неконтролируемые факторы, оказывающие свое воздействие на рыночное поведение и инновационное развитие субъектов хозяйственной деятельности. К внешним неконтролируемым факторам такого развития и поведения относятся: влияние международной конкуренции, нарастающее воздействие научно-технического прогресса, государственная инновационная политика, глобальные структурные сдвиги и т.п. К внутренним неконтролируемым факторам относятся: научно-технический, маркетинговый, кадровый, технический, финансовый и управленческий потенциал организации (субъекта хозяйственной деятельности) [15].

Следует подчеркнуть, что характеристика факторов инновационного развития предприятий не дает полного ответа на вопрос о том, каким образом организовать маркетинговую деятельность и гарантировать максимальный от нее эффект. Здесь необходимо провести разницу между понятиями «инновационная экономика» и «креативная экономика». Под инновационной экономикой в большинстве случаев подразумевается экономика, создающая новый продукт (товар или услугу). Но новое, во-первых, это «хорошо забытое старое». А, во-вторых, не всегда лучшее, чем то, что было создано прежде. Потребителям хорошо известно, что именно «прежде» производилась более качественная (добротная) мебель, создавались более экологически «чистые» продукты питания и т.д. Экономия на всем и вся, различного рода добавки, присадки, подмены, которыми пользуются современные производители, в условиях вполне инновационной экономики не делают их продукцию лучше, качественнее. Тогда как понятие креативной экономики как раз подразумевает создание не просто нового, а более качественного (более совершенного) продукта.

Креативный характер экономики в этом плане как раз связан с умением субъектов хозяйственной деятельности успешно решать свои стратегические задачи в условиях неопределенности и рисков.

Поскольку эти общие размышления о рисках и неопределенности затрагивают и сферу агромаркетинговой деятельности, предприятия региональных АПК, а также городские и сельские домохозяйства, то встает закономерный вопрос: насколько и как возможно обеспечить максимальную эффективность

этой деятельности в условиях усиливающегося влияния неконтролируемых внешних факторов. Например, такого, как вступление РФ в ВТО. Известно, что и до такого вступления конкурентоспособность и креативность российской аграрной экономики были весьма низкими. Это можно объяснить внутренними контролируруемыми факторами, названными выше. Прежде всего, аграрной политикой самого государства. В структуре валовой добавленной стоимости на 2010 год доля аграрного сектора составляла всего 3,8 %, в структуре капиталовложений – 3,3 %, в совокупных инвестициях в основной капитал – 3,0 %, в структуре стоимости основных фондов – 3,1 % и т.д. [16].

При таком «раскладе» российское сельское хозяйство, например, как «национальный проект» не только не дотягивает до необходимого уровня конкурентоспособности, инновационности и креативности (в сравнении с аграрной экономикой стран Евросоюза или США), но и остается по существу объектом остаточного финансирования. В условиях международных санкций эта «остаточность» еще долгие годы не позволит РФ решить проблему импортозамещения. Но при этом следует отметить, что необходимые условия для решения данной конкретной проблемы есть. К числу положительных моментов следует отнести то обстоятельство, что, наконец, прервалась существовавшая ранее тенденция снижения доли расходов сельских домохозяйств на конечное потребление [17].

Многие авторы в последнее время при изучении структурных изменений в агропромышленном комплексе используют теоретические положения технологического способа производства (ТСП) и институциональной среды (ИС). По основным параметрам ТСП (фондосберегающим технологиям) аграрная экономика РФ «не дотягивает» даже до минимально допустимых «стандартных» требований ВТО. И главная причина здесь – недостаточность государственной поддержки в отношении сельского хозяйства. Если в 1980-е годы уровень поддержки сельхозпроизводителей составлял 80 % и в два раза превышал аналогичный показатель США или Канады, то к концу первого десятилетия XXI века этот показатель существенно и резко упал [18].

Подведем некоторые итоги наших рассуждений. Во-первых, необходимо восстановление во всей полноте государственной экономической поддержки предприятий и отраслей отечественного АПК. Ни ее объем, ни способы ее предоставления нельзя считать удовлетворительными. Ссылки на нехватку денег в бюджете и его крайне «напряженный» характер несостоятельны, поскольку допускают серые схемы увода средств от аграриев. Пример деятельности известной компании «Арголизинг» подтверждает лишь то обстоятельство, что деньги, которые таким образом отнимаются у аграриев, оседают на счетах некоторых наших коррумпированных чиновников.

Во-вторых, необходимо совершенствование самой агромаркетинговой деятельности. Прежде всего это касается определения размеров и направлений предоставления правительством грантов для поддержки инновационных

аграрных предприятий и территорий. Здесь необходимо укреплять не только конкурсную основу в получении помощи из бюджетов разных уровней, но и открытость, прозрачность подобных процедур.

В-третьих, необходимо полностью перестроить работу страхового рынка в России. ФЗ № 204 «Об организации страхового дела в РФ» давно уже устарел. А вступление в ВТО предполагает, что на российский аграрный (например, земельный) рынок должны быть допущены и новые игроки – иностранные страховые компании. Продумывал ли кто-то последствия такого шага?

В-четвертых, необходима корректировка проводимой правительством земельной реформы. С марта 2015 года начал действовать новый порядок предоставления земельных участков гражданам и юридическим лицам. В оборот было вовлечено большое количество новых участков, которые ранее не выставлялись на торги. Вроде бы реформа нацелена на борьбу с самозахватом земель и предусматривает новый порядок изъятия земли. Но при этом никто не гарантирует справедливого характера такого изъятия. Например, в случае, если границы земельного участка неточно обозначены. Да и штраф в сто тысяч рублей для тех, кто незаконно захватил землю, вряд ли остановит российских «земельных баронов».

Если же вернуться к сельхозпроизводству и агромаркетинговой деятельности, получится странная ситуация. Целевое назначение земли не выдерживается, и без перевода земли из одной категории в другую ее можно фактически использовать как угодно [19]. Такая чехарда неизбежно приведет к криминализации всей агромаркетинговой деятельности.

В-пятых, необходимо более последовательное и дифференцированное ценовое регулирование на продукцию сельского хозяйства и за теми доходами, которые получают все участники агропромышленного комплекса. Дело в том, что распределение по затратам и доходам в этой области совершенно нерационально, непропорционально и идет вразрез с требованиями социальной и экономической эффективности. Сегодня в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции на долю ее производства приходится 77 %, а получает аграрий 27 % от цены реализации. На долю переработки соответственно приходится 15 и 31 %. А вот на долю предприятий торговли и посредников приходится 8 % в структуре себестоимости продукции, а получают они 42 % от цены реализации [20]. При таком соотношении расходов и доходов агромаркетинговая деятельность не может быть стабильно эффективной.

Обозначенные направления отнюдь не исчерпывают весь перечень необходимых новаций, которые следует внести в работу предприятий и организаций АПК. Однако успешное внедрение даже перечисленных выше направлений будет, на наш взгляд, способствовать существенному повышению эффективности этой работы.

Список литературы

1. Малашихина Н.Н., Белокрылова О.С. Риск-менеджмент: учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 320 с.
2. Стожко К.П. Экономическая теория: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. – Т. 2. – 499 с.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 594 с.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, процента и цикла конъюнктуры: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
5. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
6. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Экономика, 1991. – 216 с.
7. Киселица Е.П., Шумилова Ю.А. Повышение эффективности деятельности предприятий за счет управления неопределенностью, рисками и надежностью: моногр. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 196 с.
8. История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 784 с.
9. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. – М., 1994. – Вып. 5. – С. 23–24.
10. Назаров Д.М., Райхерт Т.Н. Герменевтическая концепция дистантного образования / Урал. ин-т экономики, управления и права. – Нижний Тагил, 2011. – 168 с.
11. Barness J.G. Reseach for marketing decision making / Memorial University of Newfoundland, 1991. – 708 p.
12. Авдийский В.И., Безденежных В.М. Неопределенность, изменчивость и противоречивость в задачах анализа рисков поведения экономических систем // Эффективное антикризисное управление. – 2011. – № 3(66). – С. 46–61.
13. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков: учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 2-е изд., испр. – 368 с.
14. Кузьмин Е.А. Неопределенность и определенность в управлении организационно-экономическими системами: моногр. / Ин-т экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2012. – 184 с.
15. Россия в ВТО: год после вступления / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татарикина, М.В. Федорова. – М.: Экономика, 2014. – Т. II, Ч. 2. – 420 с.

16. Россия в ВТО: год после вступления / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, М.В. Федорова. – М.: Экономика, 2014. – Т. II, Ч.1. – 436 с.
17. Состояние социально-трудовой сферы и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. – М.: Росинформагротех, 2014. – 109 с.
18. Узун В.Я. Российская политика поддержки сельского хозяйства и необходимость ее корректировки после вступления в ВТО // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 138–142.
19. Земельная реформа в России: оцениваем последствия. Интервью с заместителем министра экономического развития РФ П. Королевым // Недвижимость. – 2015. – № 3(885). – С. 142–144.
20. Основы социального государства: в 2 ч. / под ред. К.П. Стожко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. – Ч. 1.

References

1. Malashikhina N.N., Belokrylova O.S. Risk-menedzhment [Risk management]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2004. 320 p.
2. Stozhko K.P. Ekonomicheskaja teoriia [Economic theory]. Yekaterinburg, Ural. gos. un-t, 2004, vol. 2, pp. 8–9.
3. Marshall A. Principles of Economics [Russian ed.: Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki]. Moscow, Progress Publ., 1993. Vol. 2, pp. 298–299.
4. Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle [Russian ed.: Shumpeter I.A. Teoriia ekonomicheskogo razvitiia. Issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, protsenta i tsikla kon'iunktury]. Moscow, Progress Publ., 1982. 283 p.
5. Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy. [Russian ed.: Shumpeter I.A. Teoriia ekonomicheskogo razvitiia. Kapitalizm, sotsializm i demokratiia]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 125 p.
6. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money [Russian ed.: Keins Dzh.M. Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg]. Moscow: Ekonomika Publ., 1991. 132 p.
7. Kiselitsa E.P., Shumilova Iu.A. Povyshenie effektivnosti deiatel'nosti predpriatii za schet upravleniia neopredelennost'iu, riskami i nadezhnost'iu [Improving the efficiency of business activities due to the uncertainty, risk and reliability management]. Tiumen', Tiumen. gos. un-t, 2005, p. 11.
8. Avtonomov V., Anan'in O., Makasheva N. (eds.) Istoriia ekonomicheskikh uchenii [History of Economic Thought]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 784 p.
9. Nait F. Poniatie riska i neopredelennosti [Notions of risk and uncertainty]. *Teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. Moscow, 1994, no. 5, pp. 23–24.

10. Nazarov D.M., Raikhert T.N. Germenevticheskaia kontseptsiiia distantnogo obrazovaniia [Hermeneutic concept of distance education]. Nizhny Tagil, Ural. in-t ekonomiki, upravleniia i prava, 2011. 168 p.

11. Barness J. Research for marketing decision making. Memorial University of Newfoundland, 1991. 708 p.

12. Avdiiskii V.I., Bezdenezhnykh V.M. Neopredelennost', izmenchivost' i protivorechivost' v zadachakh analiza riskov povedeniia ekonomicheskikh sistem [Uncertainty, variation and contradiction in the risk analysis of economic systems behavior]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2011, no. 3(66), pp. 46–61.

13. Vishniakov Ia.D., Radaev N.N. Obshchaia teoriia riskov [General risk theory]. Moscow: Akademiia Publ., 2008. 320 p.

14. Kuz'min E.A. Neopredelennost' i opredelennost' v upravlenii organizatsionno-ekonomicheskimi sistemami [Uncertainty and certainty in the management of organizational and economic systems]. Yekaterinburg, In-t ekonomiki UrO RAN, 2012, pp. 15–32.

15. Chereshnev V.A., Tatarkin A.I., Fedorov M.V. (eds.) Rossiia v VTO: god posle vstupleniia [Russia in WTO: one year after the entry]. Moscow: Ekonomika Publ., 2014. vol. II, part 2, pp. 64–66.

16. Chereshnev V.A., Tatarkin A.I., Fedorov M.V. (eds.) Rossiia v VTO: god posle vstupleniia [Russia in the WTO: one year after the entry]. Moscow: Ekonomika Publ., 2014, vol. II, part 1. 436 p.

17. Sostoianie sotsial'no-trudovoi sfery i predlozheniia po ee regulirovaniu. Ezhegodnyi doklad po rezul'tatam monitoringa 2013 g. [Condition of the social and labor sphere and proposals for its regulation. Annual report on the results of 2013 monitoring]. Moscow, Rosinformagrotekh, 2014. 109 p.

18. Uzun V.Ia. Rossiiskaia politika podderzhki sel'skogo khoziaistva i neobkhodimost' ee korrektyrovki posle vstupleniia v VTO [Russian policy to support agriculture and the need for its adjustment after joining the WTO]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 138–142.

19. Zemel'naia reforma v Rossii: otsenivaem posledstviia. Interv'iu s zamestitelem ministra ekonomicheskogo razvitiia RF P. Korolevym [Land reform in Russia: assessing the consequences. Interview with P. Korolev, Deputy Minister of Economic Development of the Russian Federation]. *Nedvizhimost'*, 2015, no. 3(885), pp. 142–144.

20. Osnovy sotsial'nogo gosudarstva [Foundations of the social state]. Ed. by K.P. Stozhko. Yekaterinburg, Ural. gos. ekon. un-t, 2015, part. 1. 216 p.

Получено 25.02.2016

D.K. Stozhko, K.P. Stozhko, N.N. Chelishev

**THEORETICAL ASPECTS OF MANAGEMENT
OF RISK AND UNCERTAINTY IN THE CREATIVE ECONOMY:
THE CASE OF AGRO-MARKETING ACTIVITY**

The article describes the features of the creative economy in the agro-industrial sector. The basic concepts of aging (wear) are marked. Risks and main manifestations of uncertainties accompanying the formation and development of the creative economy are analyzed. The difference between the innovation and the creative economy and the basic directions and ways to improve the efficiency of agri-marketing activities at the present stage are shown.

Keywords: risk, uncertainty, agro-marketing activities, innovative economy, creative economy, game approach, probability, competition.

Stozhko Dmitrij Konstantinovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Dept. of History, Ural State Agricultural University, e-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Stozhko Konstantin Petrovich – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of Dept. of Economics and Organization of Production, Ural State Agricultural University, e-mail: kostskp@mail.ru.

Chelishev Nikolaj Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dept. of Management and Law, Ural State Agricultural University, e-mail: tselishevnn@ya.ru.